

Николай МИХНЕВИЧ

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVII СТОЛЕТИЯ

Всемирная история (Вече)

Николай Михневич

**История военного
искусства с древнейших
времен до XVII столетия**

«ВЕЧЕ»

1885

Михневич Н. П.

История военного искусства с древнейших времен до XVII столетия / Н. П. Михневич — «ВЕЧЕ», 1885 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8581-7

Классический труд яркого русского военного мыслителя конца XIX – начала XX века Н.П. Михневича представляет читателям очерк развития военного дела на протяжении нескольких тысяч лет и вплоть до начала Нового времени. Автор рассматривает тактику и стратегию не изолированно, а в контексте общецивилизационных процессов. «Состояние военного искусства данной эпохи служит лучшим показателем культуры и цивилизации, продуктом которых оно всегда более или менее являлось; энергия же, проявляемая армиями и войсками во время войны, – вернейшим признаком степени прочности государства, представителями силы которого являются армии и войска», – пишет он.

ISBN 978-5-4484-8581-7

© Михневич Н. П., 1885

© ВЕЧЕ, 1885

Содержание

К изданию 2020 года	6
Введение	7
I. История военного искусства древнейших народов	12
Основные черты военного искусства древнейших народов:	13
ассириян, вавилонян, египтян, индусов, персов и др	
II. История военного искусства народов классической древности	18
Военное искусство греков	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Петрович Михневич
История военного искусства с
древнейших времен до XVII столетия

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

К изданию 2020 года

Николай Петрович Михневич [7(19).10.1849, Тамбов – 8.2.1927, Ленинград] – один из ведущих теоретиков русской военной мысли конца XIX – начала XX века, прожил долгую жизнь и прошел непростой путь от командира роты до генерала и начальника Академии Генштаба.

Выходец из небогатых дворян Тамбовской губернии, первоначально он поступил в Константиновский губернский межевой институт, который и закончил в 1867 г. Затем воспоследовали два года учебы в Александровском военном училище, по результатам учебы в котором имя молодого подпоручика занесли на мраморную доску лучших выпускников, и служба в лейб-гвардии Семеновском полку в чине прапорщика. В годы Русско-турецкой войны 1877—78 гг. капитан Михневич командовал ротой, а уже в августе 1878 был произведен в штабс-капитаны. Годом позже Николай Петрович становится слушателем Академии Генерального штаба. Закончив ее в 1882 г. по первому разряду, служит старшим адъютантом штаба 1-го армейского корпуса, обер-офицером для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, штаб-офицером для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса и т. д. В августе 1888 г. произведен в полковники, а в июне 1892 г. в генералы. Дальнейшая служба Н.П. Михневича неразрывно связана с Николаевской академией Генерального штаба, где он числится экстраординарным, ординарным, а потом и заслуженным профессором, одновременно занимая должности начальника академии, начальника 24-й пехотной и 2-й гвардейской пехотной дивизии, командира корпуса и начальника Главного штаба (с марта 1911 г.). В апреле 1917 г. уходит в отставку по болезни в чине генерала от инфантерии, однако с 1918 г. возвращается на службу, теперь уже в РККА, где преподает на 1-х Петроградских артиллерийских курсах, а с сентября 1919-го – в Артиллерийской академии РККА, оставаясь на службе до 1925 г.

Н.П. Михневич как теоретик оказал большое влияние на отечественную военную мысль в том виде, как она сложилась перед Первой мировой войной. Конечно, теория и практика не одно и то же, в том числе в искусстве войны, но без теоретических исследований и победа едва ли возможна. Михневич считал военную науку социальной и пытался отыскать связь между экономикой, государственным строем и уровнем развития военного искусства. Это прослеживается в его основном труде – двухтомнике «Стратегия», выдержавшем на рубеже веков три издания. В ряду иных значимых работ ученого следует упомянуть «О партизанских военных действиях» (1884), «Влияние новейших технических изобретений на тактику» (СПб., 1892 и 1893) и, наконец, «История военного искусства с древнейших времен до начала XIX стол.» (СПб., 1885 и 1896).

Последняя книга положена в основу настоящего издания и, с одной стороны, не утратила своей актуальности до наших дней, а с другой зримо показывает те взгляды автора, от которых современная военная теория отказалась. «...Идеи военного искусства вечны, как вечна сама истина, понятия о добре и зле, конечно, по существу, а не в применении», – пишет Н.П. Михневич во введении к своему труду. Едва ли наука стратегия в ее современном виде согласится с такой посылкой.

Кроме того, какие-то мнения и представления автора о событиях прошлого в настоящее время нуждаются в уточнении. В их числе, например, его описания средневековой русской тактики, основанные на не вполне достоверных исторических источниках (житиях святых или литературных произведениях), но поправку внести несложно, а само знакомство с книгой не станет от того менее увлекательным и познавательным.

С. Ермаков

Введение

Цель настоящего сочинения и основания его разделения. – Законы войны. – История не дает пока материала для широких обобщений, но вполне знакомит с развитием процесса войны в области политики, стратегии и тактики. – Необходимость изучения истории для уяснения основных положений военного искусства.

История военного искусства имеет целью выяснить состояние его в различные исторические эпохи, последовательность в его развитии, а также, по возможности, указать и те исторические причины, которые повлияли на его развитие или падение в данную эпоху.

Стараясь выполнить эту программу, а также желая возможно нагляднее показать зависимость состояния военного искусства данной эпохи от современного состояния культуры и цивилизации, главнейшие отделы настоящего сочинения сопровождаются общеисторическими данными, сгруппированными по столетиям. Таким образом, читатель под рукою будет иметь материалы для выводов по изучаемой эпохе.

В приведенных перечнях событий указаны только важнейшие научные и практические изобретения, течения в области философии, науки и искусства, сопровождаемые именами высших их представителей. Возможность быстрой и верной справки была первою задачею в данном случае.

Настоящее сочинение имеет одну особенность, вызванную крайнею необходимостью, во имя ясности и стройности исторического исследования. Эта особенность заключается в введении нового разделения истории, не на древнюю, среднюю и новую, как принято во многих исторических сочинениях и во всех учебниках, но на три периода, совпадающих с исторической жизнью целой серии культурных и цивилизованных народов, оставивших после себя памятники во всех областях человеческого творчества. Такими тремя периодами обрисовывается жизнь *древнейших народов* (ассирияне, вавилоняне, египтяне, китайцы, индусы и др.); жизнь *народов классической древности* (греки, римляне и др.) и жизнь, нам современная, – жизнь *новых народов*.

Изучение развития военного искусства (военной культуры) неотразимо доказывает, что, в течение этих трех периодов, военное искусство развивалось современными цивилизованными народами вполне самостоятельно, в строгой последовательности, как бы по установленной свыше программе и приходило в конце к одинаковым выводам.

Древнейшие народы в период высшего своего могущества, достигнув, как свидетельствуют дошедшие до нас памятники, высокой цивилизации и культуры, подчинили отдельную личность государственным интересам настолько, что долгое время удерживали кастовое устройство народа. Благодаря ему, может быть, военное искусство сохранялось в тайне, и мы лишены возможности проследить за всеми его ступенями развития. Но что оно стояло высоко – в этом сомневаться нельзя! Достоверно известно, что древнейшие народы вели большие войны, многочисленными армиями, в несколько сот тысяч человек, составленных из разнообразных по вооружению и назначению войск; у них были решены все вопросы войны; их полководцы решали вопросы войны так же, как мы. Монголы, вероятно, усвоившие основы военного искусства древних, сохранившиеся в Китае и принесящие его с собою в Европу, оказались гораздо искуснее европейцев. Мы можем смело сказать: военное искусство Чингисхана и Тамерлана не уступает военному искусству Наполеона – так богато полученное им от древних наследство! Поэтому и по дошедшим до нас очень бедным остаткам от военной культуры древнейших народов мы все-таки должны признать, что культура эта была, несомненно, высока.

Кажется, чего бы проще новым народам, вступавшим в историческую жизнь, – грекам и римлянам, воспринять все то, что сделано их историческими предшественниками, и идти дальше. Оказалось, что подобное явление невозможно. Греки и римляне начинают работу

снова, черпая основания для творчества из глубины своего духа и почти ничего не заимствуя от древних.

Появляются новые народы. Полторы тысячи лет они добивают греков и римлян и строятся на развалинах классического мира, казалось бы, что им, жившим рядом с Римом и Грецией, легче было позаимствовать у своих предшественников основы военного искусства, вырабатанные ими; а между тем этого не произошло. До XIX века, до великого Наполеона, строго говоря, военные идеи классического мира не получили своего применения в полной цельности.

Что же за причина этих странных исторических недоразумений? Нам кажется, причина единственная: к концу своего исторического бытия культурные народы ослабевают духом, воинскую доблестью, охота к борьбе пропадает и цивилизация защищает себя от нападения варваров наемными дружинами тех же варваров, пока последние кое-чему не выучатся и не поймут, что выгоднее быть молотом, чем наковальней. Эти эпохи представляли всегда высокое развитие всевозможных технических изобретений, которые, при отсутствии соответственных нравственных качеств войск, прибегавших к ним, казались варварам смешными, хитроумными изобретениями, почему они не считали необходимым, да и не могли, по своей подготовке, воспользоваться этими средствами, а начинали работу снова, проходя последовательно те же ступени в развитии, которые пережиты их историческими предшественниками¹.

Вот на этих-то основаниях мы признали необходимым, в видах цельности и логичности исследования, ввести разделение всемирной истории на три периода, отвечающих целой серии исторических цивилизованных народов, из которых две (древнейшие и народы классические) исчезли, оставив нам только названия стран, в которых они жили, как Египет, Китай, Индия, Греция, Персия, а от других даже и названий не осталось, как Вавилон, Ассирия (этот Рим древнейших народов), и настоящий Рим.

Принявши это естественное деление как совершившийся уже факт, под влиянием мировых законов, управляющих жизнью человеческого рода, мы, по крайней мере, устанавливаем простейшую классификацию – первый шаг для точного научного исследования.

Последствия этого разделения для нас очевидны: проследивши развитие военной культуры в жизни человечества, мы заметим, что все исторические серии народов переживали известные формы военного искусства, при известном состоянии цивилизации и культуры и что, например, пристрастие к исключительному употреблению метательного оружия совпадало со временем высокого развития культуры и техники, с падением духа воинственности, ослаблением государственных начал – с началом исторического замирания этих народов.

С другой стороны, история показывает, что высшее состояние военного искусства всегда отвечало высокой культуре и цивилизации, при которых только и возможно необходимое для войны высокое напряжение нравственных и материальных сил людей.

* * *

Рассматривая войну как одно из необходимых явлений в жизни человеческих обществ, естественно предположить, что и она, наравне с другими проявлениями этой жизни, подчиняется известным законам.

Действительно, если статистика ежедневно убеждает нас в том, что, несмотря на видимую свободу отдельных личностей, жизнь общества, во всех своих проявлениях, из года в год обрисовывается одними и теми же цифрами, то нет основания допустить, чтобы эта закономерность перестала существовать и во время войны.

¹ Мы не отрицаем прогресса вообще, но основы, идеи военного искусства вечны, как вечна сама истина, понятия о добре и зле, конечно, по существу, а не в применении, что действительно изменяется в различные эпохи под влиянием исторической обстановки.

Во время войны действуют те же люди и под влиянием того же ума и характера, которые руководят их действиями в мирное время; поэтому они и в военное время должны произвести работу, соответствующую их способностям, выработанным до него.

Этот закон необходимости есть результат влияния на людей внешнего мира, времени и причин, а реальное выражение его понятными для нас данными и будет то, что называется законом. Может быть, это противоречит понятию человека о свободе воли, которое он старается распространить и на жизнь целых обществ, народов, но понятие это есть результат чувства, сознания жизни, но не разума.

Признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, т. е. не подчиненной законам, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных сил.

Правда, мы не чувствуем нашей зависимости от внешних причин, но, допустив нашу свободу, мы приходим к бессмыслице, допустив же свою зависимость от внешнего мира, времени и причин, приходим к законам.

«Поэтому в истории то, что известно нам, мы называем законами необходимости, то, что неизвестно, – свободой. Свобода для истории есть только выражение неизвестного остатка от того, что мы знаем о законах жизни человека».

Дрепер так выражает эту мысль: «Мир управляется неизменным законом. Такое понимание мира привлекает к себе ум человека своим величием. Оно дает ему возможность уразуметь вечное среди переменчивости настоящих событий и среди разнообразия времен. В разгаре жизни, удовольствий и страданий человеческих оно указывает нам что-то бесстрастное; среди наших желаний, нужд и страхов оно напоминает нам о чем-то неумолимом. Представляя индивидуального человека на долю провидения, оно подчиняет общество закону. А законы природы не изменяются никогда, они не терпят в своем применении ни колебаний, ни исключений»².

«Нации, как отдельные люди, рождаются, проходят определенный рост и умирают. Одни приходят к своему концу в раннем периоде и безвременным путем, другие уже достигши зрелости. Одни падают от слабости в детстве, другие уничтожаются общественной болезнью, третьи совершают политическое самоубийство, четвертые достигают глубокой старости. Но у каждой есть правильный ход развития до окончательного предела, каков бы этот предел ни был»³.

Изучение истории несомненно убеждает нас, что по отношению к военному делу не все народы обладают одинаковыми способностями и результаты их работы в истории не одинаковы. Мы можем положительно утверждать, что греки внесли в область военного дела высочайшие образцы (Эпаминонд, Александр Македонский), далеко высшие, чем римляне, а между тем пали под ударами последних. Причина этому, как кажется, лежит на перевесе чувства, страсти над разумом греческого народа, в раннем развитии страсти к наслаждению, заставившей его искать средств на это, даже продавая свою кровь, – служа в армиях врагов греческого мира. Римляне, менее способные, но с глубоким историческим разумом, породившим основательную государственную дисциплину, никогда не проливали кровь за врагов и завоевали весь мир, пока, после столкновения с греками, ослабев силами и усвоив взгляды на жизнь народов, ими покоренных, тоже развратились и пали.

И на наших глазах не все армии имеют одинаковые военные способности, и рано или поздно должно быть отыскано реальное выражение силы, военных способностей известного народа или общества.

Когда подобные данные будут у нас в руках, победа над противником, как результат умелого пользования силой и даже самый способ пользования ею на войне, будет следствием про-

² Дрепер. История умственного развития Европы. Перевод под ред. А.Н. Пыпина. Т. I. С. 17.

³ Там же. Т. II. С. 329.

стого расчета. Но до этого еще далеко. Многие отделы социологии – науки, изучающей законы жизни обществ, еще в зачатке, а потому и военная наука не имеет еще прочных данных для выработки научных законов, т. е. таких, по которым можно бы было предсказывать явление вперед.

Эмпирически мы знаем, что если 100 000 зулусов столкнется с 100 000-й европейской армией, то зулусы будут разбиты; но предсказать исход столкновения таких же 100 000-х армий двух равно культурных европейских народов нет возможности, или, по меньшей мере, предсказание будет очень гадательное, и это оттого, что точных формул для определения силы армий мы не знаем.

Конечно, с каждым днем военное дело идет вперед и многое в теории его изменяется. Так, в древности численности войска придавали первенствующее значение, пока не убедились в важности обучения и воспитания, затем предводительства, вооружения и т. п. Теперь для оценки *силы армии* мы прежде всего обратим внимание на *нравственные качества воинов*, потом *качества предводительства*, затем уже *число*, потом *обучение* и, наконец, *вооружение войск*.

Если бы удалось выразить цифрами значение каждого из этих элементов силы, тогда можно бы реально представить себе и самую силу.

Отыскать *законы войны* трудно, конечно, но не невозможно. Они должны быть и будут отысканы. Можно с уверенностью делать подобные предсказания потому, что ни для одной из отраслей социологии не собрано такого количества материалов, как для изучения войны. Военные явления всегда имели такую важность, что внимание древнейших народов и их историков почти исключительно останавливалось на них, и потому период наблюдений и тщательность их в этой области дают богатый материал для обобщений.

Если этого материала, пожалуй, недостаточно для широких обобщений, для вывода законов войны, то не встречается никаких затруднений для изучения по ним самого процесса войны в области политики, стратегии и тактики.

Изучая факты, занесенные на страницы истории, мы поражаемся их преемственностью. Два раза, на глазах человечества, в области стратегии и тактики, военное дело достигало необыкновенной высоты (Греция и Рим в древности и Наполеоновская эпоха в XIX в.), и каждый раз оно в своем развитии проходило одни и те же фазисы. Может быть, когда разработают историю древнейших народов (Китай, Вавилон, Ассирия, Египет, Индия и др.), подтвердится, что и там военное дело прошло через те же ступени развития. История подтверждает также: 1) что наивысшее состояние военного искусства всегда отвечает времени применения народных (национальных) армий и что наемные войска всегда вели военное дело к упадку; 2) значительные усовершенствования в области оружия всегда вызывали серьезные изменения в приемах стратегии и тактики, и 3) часто случалось, что обстановка значительно изменялась, а приемы стратегии и тактики, по рутине, оставались прежние, и только какая-нибудь катастрофа выводила их на надлежащий путь.

Одним словом, история научает, что *человек, как элемент комплектования армии, оружие и известные взгляды на военное дело, определяют состояние военного искусства данной эпохи*.

С другой стороны, та же история выясняет, что *основные положения военного искусства (принципы) во все эпохи были одни и те же, только применение их изменялось, в зависимости от тех разнообразных условий, которыми было обставлено данное решение*.

Насколько еще в древности смотрели серьезно на необходимость правильных решений, основанных на истинных принципах военного искусства, легко видеть из приводимых Герод-

отом слов Артабана Гистаспа, высказанных на военном совете Ксеркса перед походом в Грецию⁴:

«Благоразумное решение величайшее благо, ибо, если бы даже случилось что-либо вопреки такому решению, это последнее сохраняет свою силу и не осуществляется только случайно. Напротив, лицо, принявшее нелепое решение, даже в случае удачи, нападает только на счастливую находку; решение его все же считается нелепым».

Так как точных формул (законов) теория военного искусства до сего времени еще не выработала, то *выучиться военному делу можно только по образцам великих мастеров, стараясь проникнуться их сущностью* и тщательно изучая условия, при которых они происходили. Это и есть *описательный или критико-исторический метод исследования*, рекомендуемый многими великими знатоками военного дела.

«Читайте и перечитывайте, – говорит Наполеон, – кампании Александра, Ганнибала, Цесаря, Густава Адольфа, Тюренна, Фридриха и образуйтесь по ним; это – единственный способ сделаться полководцем и постигнуть тайны военного искусства».

«Высшая тактика, – прибавил он (т. е. стратегия), – может быть усвоена только опытом и изучением походов и сражений великих полководцев».

Эрцгерцог Карл утверждает, что «можно сделаться полководцем, только обладая страстью к науке и при продолжительном опыте» и что «часто высказываемое в наше время мнение, что способность командовать войсками бывает врожденная и что этому нечего учиться, есть одно из многих заблуждений нашего века; это – одно из общих мест, к которому прибегают предубеждение и лень, чтобы избавиться от тяжелых трудов, ведущих к саморазвитию».

Суворов в письме к Потемкину говорит: «Наука просветила меня в добродетели: я лгу (вероятно, в смысле введения в заблуждение противника), как Эпаминонд, бегаю, как Цезарь, постоянен (вероятно в смысле твердости и непреклонности в достижений раз поставленной цели), как Тюренн и праводушен, как Аристид».

Итак, Наполеон, эрцгерцог Карл и др. говорят, что следует подражать великим образцам, а Суворов указывает, в чем именно он им подражал, какие именно особенности образца он, по его мнению, воспроизводил в действительности.

Применение критико-исторического метода, при изучении образцов военного искусства, в конце концов, неминуемо приводит к уяснению основных положений теории военного искусства, т. е. военной науки, и к убеждению, что развитие и состояние его в данную эпоху подчиняется тоже неизменным законам.

Император Наполеон III прекрасно выразил эту мысль в своем сочинении «О прошлом и будущем артиллерии» следующими словами, которыми мы и заканчиваем наше введение:

«Цивилизация и история не делают скачков: хотя они и двигаются весьма быстро, но всегда правильно. Между идеями есть известная родственная связь, как и между людьми, и прогресс в жизни обществ имеет свое происхождение, следы которого можно проследить в прожитом прошлом, как забытый источник большой реки».

⁴ Полибия. VII, 8.

I. История военного искусства древнейших народов

Основные черты военного искусства древнейших народов: ассириян, вавилонян, египтян, персов и др. – Организация вооруженных сил. – Стратегическое и тактическое искусство. – Битва при Фимвере в 541 г. до Р. Х. – Крепостная война.

Основные черты военного искусства древнейших народов: ассириян, вавилонян, египтян, индусов, персов и др

История древнейших народов мира до сих пор недостаточно разработана, но уже имеются положительные доказательства того, что некоторые из них стояли на очень высокой степени культуры и цивилизации. Сильная государственная власть, разделение труда всех членов общества в интересах государственных, выразившееся в удивительном делении всего населения на касты, огромные города, укрепленные несколькими рядами стен, высокое инженерное искусство, продолжительные походы армиями в несколько сот тысяч человек, искусно разыгранные сражения, как, например, сражение при Фимвре (541 г. до Р. Х.), в котором Кир разбил Креза Лидийского, – все это, несомненно, свидетельствует о высокой культуре, о большой исторической работе, пережитой этими древнейшими народами... от которой почти не осталось и следов⁵.

Все, что нам известно о военном искусстве древнейших народов, конечно, относится скорее до последнего фазиса в их исторической жизни, фазиса падения, когда все жизненные силы их значительно ослабели и они падали под ударами варваров (как, напр., персов), подобно тому, как впоследствии пал Рим в эпоху Великого переселения народов⁶.

Достаточно изучить военное искусство персов, этого полуварварского народа древности, покорившего многие культурные народы того времени и оказавшегося не в состоянии воспринять результаты завоеванной им культуры и цивилизации, чтобы увидеть, что оно стояло на несравненно высшей ступени развития, чем военное искусство греков, во время падения Восточной Римской империи.

Состояние военного искусства данной эпохи служит лучшим показателем культуры и цивилизации, продуктом которых оно всегда более или менее являлось; энергия же, проявляемая армиями и войсками во время войны, – вернейшим признаком степени прочности государства, представителями силы которого являются армии и войска.

Подробное исследование состояния военного искусства в древнейшие времена, по объему настоящего сочинения, не может быть нами предпринято, поэтому мы ограничимся указанием, в виде общего очерка, тех результатов, к которым пришли древнейшие народы в этой области к тому времени, когда их стали записывать греческие историки.

Организация армий. Военные касты способствовали сохранению и развитию военного искусства. Они выставляли значительный военный контингент, доходивший в Египте, например, до 400–500 тыс. человек.

Из них же отбирались лучшие воины в отряды царских телохранителей. Впрочем, ко времени начала достоверной для нас истории, *признаки упадка военного искусства в вопросах об организации армии* – появление наемных войск – обнаружили сначала в Финикии, в VII в. до Р. Х. у египтян, а с конца V века у персов; вслед за тем эти государства и пали под ударами тех народов, которые воевали с ними национальными армиями. Идея общеобязательной военной повинности признана у евреев законом Моисея.

Земские и всеобщие ополчения в древнейшие времена часто применялись.

Для упорядочения вопроса об отбывании воинской повинности народы делились на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, как это было у ассириян, вавилонян и мидян, где

⁵ Остатки этого искусства сохранились в Китае и усвоены завоевавшими его монголами. Военное искусство Чингисхана и Тамерлана представляет высочайшие образцы в области стратегии и тактики.

⁶ Это доказывается большим пристрастием к бою метательным оружием: даже кавалерия не отказывается от его употребления (сагиттер и копейщик ассирийцев, этих римлян древней истории).

кастовое устройство уже сгладилось, или же на колена (12 колен у евреев). То же деление сохранялось в армии для деления войск на части.

Стратегическое искусство выражалось иногда в грандиозных размерах; сохранились воспоминания о походах Рамсеса египетского или Камбиза персидского чуть не с миллионными армиями на огромные расстояния. Замечено постоянное стремление к увеличению численности армий, хотя бы и в ущерб их качествам – опять признак упадка, и, вероятнее всего, что это продукт позднейшей эпохи. Генеральные сражения, осады городов, совокупные действия армий и флота, малая война, действия на сообщения противника – все это употреблялось и в древности для достижения целей войны.

Тактическое искусство стояло на высокой ступени совершенства.

В период несомненного превосходства холодного оружия над метательным на *конницу* было обращено главное внимание: это был лучший и главный род войск, в котором служили цари и сановники.

Для подготовки атаки употреблялась тогдашняя артиллерия – колесницы (в 2, 4 и 8 коней), подвижные башни (до 8 пар волов) и слоны⁷. Наиболее многочисленным родом войск была *пехота*.

Она разделялась на *легкую*, действовавшую без предохранительного снаряжения только метательным оружием, на *тяжелую* – в полном предохранительном снаряжении и с ручным холодным оружием (мечом или копьем) и, затем, на *среднюю* пехоту, как, например, аконтисты⁸ у персов, которые имели облегченное предохранительное снаряжение для быстроты движения при совместной атаке с кавалерией.

На походе и при бивачном расположении сохранялся строжайший порядок, а к стороне противника высылались посты, поддержанные заставами, и летучие разъезды.

В боевом порядке легкая пехота и колесницы строились впереди в рассыпном строю, за ними тяжелая и средняя пехота в сомкнутых и глубоких строях по племенам и народам, в центре пехота, а кавалерия в таких же строях по флангам. Построение было в одну или несколько линий, и бывали части, предназначенные действовать как резерв. Старались иметь фронт боевого порядка длиннее противника для производства охвата.

Бой начинался действием легкой пехоты, затем бросались колесницы с целью произвести прорыв и беспорядок в рядах противника; тяжелая пехота врывалась в брешь, чтобы развить одержанный успех; легкие войска через голову своих старались поражать противника камнями; кавалерия, действуя на флангах, старалась охватить и прорваться в тыл боевого порядка противника.

Сражались при звуках труб и рогов. Части войск имели знамена или же изображения зверей, животных и птиц.

Победивший преследовал и на полях сражения, и вне его.

На полях сражения иногда применялись искусственные препятствия.

Как образец тактического искусства древнейших народов приведем битву **при Фимвре** (541 г. до Р. Х.), в которой Кир персидский с армией в 196 тыс. человек разбил армию Креза лидийского в 420 тыс. человек.

Перед выступлением в поход Кир приказал взять с собой 20-дневный запас продовольствия в обоз (лепешек, муки и вина), запас лекарств, кос, шанцевый инструмент для исправления дорог, инструменты и материалы для исправления оружия и повозок, а также ручные мельницы. При армии разрешалось следовать маркитантам с условием, чтобы они продовольствовались сами.

⁷ У индусов упоминаются бамбуковые ракеты с взрывчатыми составами.

⁸ Копьеметатели.

В походе впереди шла конница, выслав наездников; за конницею следовал обоз, прикрытый со всех сторон пехотой: обоз каждого подразделения пехоты (таксиса) шел при своей части, причем начальник обоза с знаком находился при таксиархе⁹; таким образом у всех имущество было на глазах и под руками.

Приблизившись к противнику, армия приостановилась и начала строиться, выслав летучие разъезды для захвата пленных и сбора сведений о противнике. К тому же времени прибыл Арасп, один из приближенных Кира, взявший на себя роль шпиона в неприятельском лагере. Он сообщил, что армия Креза строится, как конница, так и пехота, по 30 человек в глубину, кроме египтян, которые строились по 100 шеренг в глубину, и что армия занимает место почти на 40 стадиев, т. е. около 7 верст по фронту (6 стадиев = 1 версте).

Армия Креза, 60 тыс. кавалерии и 360 тыс. пехоты (в том числе и 120 тыс. египтян), построилась в одну линию, имея впереди колесницы, а на флангах конницу. Египетская пехота имела щиты во весь рост, длинные копья и короткие мечи; остальная пехота – легкие копья и щиты. Армия Кира была вдвое слабее: 36 тыс. кавалерии и 160 тыс. пехоты, из которых персов было всего до 70 тыс. конницы, 20 тыс. легкой пехоты, 20 тыс. тяжелой, в латах, вооруженной мечами, и 20 тыс. вооруженной обоюдоострыми топорами и дротиками. Сверх того при ней состояло 300 военных колесниц с косами, запряженных в 4 лошади и поднимавших 4 и более воинов, вооруженных луками, дротиками, копьями и мечами. Башни в 18 футов высотой, запряженные в 8 пар волов, поднимали по 20 стрелков. Кроме того, у Кира было 600 верблюдов и метательные машины.

Перед боем Кир приказал, вместо обычного построения в 24 шеренги, построить пехоту в 12 шеренг и на возражение против этой меры, предъявленное одним мириархом¹⁰, ответил: «Думаешь ли ты, чтобы фаланги, которых густота производит то, что большая часть ратников не имеет возможности поражать неприятеля своим оружием, могли бы быть очень полезными для своих и наносить много вреда противной стороне. Мне хотелось бы, чтобы египетские гоплиты вместо ста шеренг глубины имели десять тысяч, тогда нам пришлось бы ведаться с меньшим числом людей. Что касается до наших войск, то глубина, в которую я их строю, даст им всем, как я думаю, возможность действовать свободно и помогать друг другу»¹¹. Боевой порядок принят следующий: пехота построена в 4 линии. В первой – тяжелая, во второй – аконтисты (копьеметатели), в третьей – легкая пехота (стрелометники), в четвертой – запасный полк из отборных воинов (резерв), имевший право убить тех, кто побежал бы из передних рядов. Пятую линию составляли боевые колесницы с башнями. За ними построился обоз в виде вагенбурга. В тыл обоза, позади оконечностей обоих крыльев, Кир поставил по 1 тыс. всадников и по 1 тыс. пехоты из лучших войск для парирования охвата. Кроме того, на левом фланге, были поставлены 600 верблюдов с 2 стрелками на каждом. Колесницы были расположены следующим образом: 100 перед фронтом и по 100 перпендикулярно к фронту боевого порядка в виде осажженных назад крыльев; они тоже должны были прикрывать боевой порядок от охвата. Кавалерия, как всегда поделившись пополам, стояла на флангах пехоты первой линии.

Кир объехал войска, подтвердил все приказания начальникам отдельных частей боевого порядка, беседовал с воинами, стараясь поднять их нравственный дух и, наконец, двинул свою армию навстречу армии Креза. Пройдя 3 с половиною версты, противники показались друг против друга. Крез, увидя, что его боевой порядок длиннее, приказал произвести охват обоими флангами. Это заметил Кир и приказал Артагерсу, командовавшему резервом при обозе, выждать развития обхода, бросить на обходящего противника верблюдов, которые должны

⁹ Начальники таксиса.

¹⁰ Тысяченачальником.

¹¹ Ксенофонт. Киропедия. Кн. VI, гл. 3.

произвести в коннице его беспорядок, а затем напасть на фланг: «Это всегда слабое место», – сказал Кир. Абрадату, командовавшему на фронте, он приказал также выждать, пока сам Кир не появится в тылу противника. «Тогда ударь на середину войска, и ты найдешь их пораженными ужасом, а своих людей исполненными уверенности. Но пока есть еще время, осмотри все твои колесницы, убеждай предводителей ударить храбро, ободрь их твердостью своего лица, одушеви надеждою; возбуди в них желание превзойти храбростью воинов других полков; внедри в них эти чувства, и после они сознают, будь в этом уверен, что ничего нет лучше храбрости»¹².

Объехав войска, Кир стал перед конницей правого крыла. В это время Крез, заметив, что войска его центра наступают быстрее, чем охватывающие крылья, приказал им остановиться. Тогда Кир бросился с своей кавалерией и атаковал во фланг заходившее левое крыло противника, врезался в него, а следовавший за ним сзади скорым шагом полк пехоты опрокинул без труда ассирийскую пехоту, которая вскоре и побежала с поля сражения. Тотчас же с левого крыла повел атаку и Артагерс, пустив, как приказал Кир, вперед верблюдов, расстроивших конницу Креза. Вместе с Артагерсом вправо и влево от него двинулись и колесницы левого крыла, довершая поражение противника. Наконец повел атаку на центр неприятеля и Абрадат. Колесницы Креза повергли назад, и Абрадат врезался в густую колонну египтян, но был сбит и погиб с товарищами под ударами врагов. В сделанный им прорыв атаковали персы, но египтяне, превосходившие персов не только числом, но и оружием, вскоре взяли верх и сами, перейдя в наступление, оттеснили персов к башням. Здесь снова совершился перелом боя: тучи стрел с вершин башен посыпались на египтян, а персидский резерв, остановив бежавших стрелков и аконтистов, принудил их метать свои стрелы и дротики. Бой был страшный. В это время в тылу египетской фаланги появился Кир и атаковал ее. Часть фаланги повернулась на него и продолжала бой. Прибывшим Гистаспу и Хризанту с персидскою конницею левого крыла он приказал не атаковать фаланги, а только беспокоить ее издали стрелами и дротиками, сам же влез на одну из башен, чтобы окинуть взором поле сражения. Тут он увидел, что везде противник бежал с поля сражения, за исключением египтян, которые, оставшись без помощи, составили круг, выставив со всех сторон оружие и прикрываясь своими большими щитами. Кир предложил им перейти на его сторону, на что они и согласились. Впоследствии он наделил их землями в Верхней Азии, а также дал им города Лариссу и Килину. Преследования вне поля сражения не было.

Рассматривая сражение при Фимвре или под Сардами, обращает на себя внимание весьма искусное маневрирование армии Креза, несмотря на длину фронта ее в несколько верст. Персидская же армия, кроме прекрасной организации, выработала поразительный боевой порядок, в котором механически идея резерва проведена во всей цельности. Резерв Кира и парализует охват обоих флангов, и оказывает сильную поддержку с фронта. Одно можно заметить, что он не был под начальством самого Кира, чего, впрочем, в то время и невозможно было осуществить, так как царь всегда вел бой в первых рядах. Затем резерв раздроблен на три части заранее, в зависимости от числа выпадающих задач. Управляет боем Кир превосходно; уступая противнику в числе и вынужденный обороняться, он ведет оборону в самом активном смысле, подобно Наполеону в сражении при Риволи в 1797 г. Следует также обратить внимание на подготовку боя в моральном отношении и на необыкновенно искусное употребление кавалерии: опрокинув левое крыло армии Креза, Кир бросается в тыл торжествующей египетской пехоты, чем препятствует ей развить успех, а затем, когда прибывает конница его левого крыла, а египетская пехота непоколебимо стоит, построив фронт, во все стороны, он удерживает свою кавалерию от атаки до более благоприятной минуты, чего не сделал Фридрих Великий в сражении при Кунерсдорфе 1759 г. и тем погубил кавалерию Зейдлица.

¹² Ксенофонт. Киропедия. Кн. VII, гл. 7.

Особенность военного искусства этой эпохи представляет перевес **обороны над атакою в крепостной войне**. Вавилон, окруженный двумя рядами стен, между которыми у него были поля и пастбища для скота, не обращал никакого внимания на подступившую к нему армию Кира и был взят изменой во время совершения большого празднества в честь Ваала, после того как Киру удалось отвести течение Евфрата, протекавшего через город.

II. История военного искусства народов классической древности

Военное искусство греков. – Греческая пехота древнего периода и ее тактика. – Бой на острове Сфактерии (424). – Греко-персидские войны. – Марафон (490). – Фермопилы (480). – Саламин. – Платея. – Пелопоннесская война. – Отступление 10 тыс. греков из Персии. – Войны Спарты с персами и греческим союзом. – Фиванские (399–362). – Левктры (371). – Военное искусство Александра Македонского. – Организация армии. – Фаланга. – Боевой порядок. – Бой. – Стратегическое искусство – походы в Азию и Африку для завоевания Персии. – Первый год войны. – Гранин (334). – Гордиум. – Второй год войны. – Исса (333). – Третий поход в Сирию и Египте (333–332). – Четвертый поход внутрь Персии. – Гавгамелы и Арбелы (331). – Вывод о военном искусстве Александра Македонского. – Эпоха Диадхов. – Обищий вывод о значении военного искусства греков. – Историческая литература эпохи.

Общеисторические данные: между 1300–1200 г. до Р. Х. – Критский законодатель Минос. Троянская война. 1100–1000. – Гомер. 1000–900. – Гесиод. Ликург. 800–700. – Магнит. 776 – Начало греческой эры. 700–600. – Солон, сатирик Архилох и поэты: Тиртей, Алкей и Сафо. Законодатель Залевк в Локрах. Тернандр. Арион (народные песни). Путешествие вокруг Африки. Вычисление лунных затмений. 600–500. – Эзоп. Фалес Милетский – основатель Ионической философской школы; Ксенофан Элейский. Пифагорова табличка. Пиндар (оды). Гномические поэты: Феогнид и Факилит. Собрание сочинений Гомера. Поэты Анакреонт и Симонид. Начало греческой историографии. Эсхил (трагедия). Трактат о земледелии карфагенянина Магона. 500–400. – Греко-персидские войны. Философ Гераклит Эфесский. Софокл и Еврипид (трагедия). Геродот – отец истории. Замечательные постройки в Афинах. Зажигательное стекло. Гиппократ – отец медицины. Живописцы: Полигност, Зевксис, Парразий. Ксенофонт. Скульптор Фидий. Философ Анаксагор. Философское отрицание мифологической религии в Греции. Софисты. Сократ. Аристофан (комедия). Архитекторы – Иктин и Калликрат. 400–300. – Корабли с веслами в 5 рядов. Историк Фукидид. Платон. Медицинская школа догматиков. Фиванские войны. Эпаминонд. Философские школы: Аристиппа – Киренейская, Диогена – Киническая, Евклида – Мегарская. Живописец Апеллес и ваятель Пракситель. Аристотель. Демосфен. Война Александра Македонского с Персией. 300–200. – Развитие естественных наук в Александрии. Врачи: Герофил и Эрасистрат. Медицинская школа эмпириков. Насос. Пожарные трубы. Водяные часы. Александрийский музей. Фаросский маяк. Эпикур и его философская школа. Зенон-стоик. Математики: Евклид; Эратосфен и Архимед (рычаги, удельный вес, винт). Грамматики: Аристофан Византийский и Аристарх. Поэты александрийского периода: Грамматики: Аполлоний и Ликофрон. Процветание наук и искусств в Александрии. Войны с Римом.

Военное искусство греков

Греческий мир открывает нам достоверную часть истории человечества, особенно ценную для исследования в области военного искусства, потому что мир этот известен от детства его до периода дряхлости в малейших подробностях.

Вначале *военные* учреждения свободных греческих государств тесно были связаны с *гражданскою* жизнью народов в домашней, школьной и общественной сферах; все элементы народа – полные граждане, временно обязанные и рабы – находили себе здесь соответствующее место, так как с объявлением войны все население выступало в поход. Это было возможно потому, что на первое время война не выходила из пределов Пелопоннеса и кампании были непродолжительны. С изменением же этих условий военные учреждения начали мало-помалу отделяться от государственных учреждений.

Но пока существовали эти условия, *всякий полноправный гражданин* добровольно приносил свое состояние, личность и жизнь на защиту государства, неразрывно связанного с его личными интересами. Полуграждане принимали участие в войне лично или чаще в виде денежной повинности, в зависимости от того, насколько их интересы совпадали с интересами господствующего класса. Рабы, не имевшие собственности, участвовали в войне лично, в размерах, предъявляемых им государством или господами.

У греков вообще воины сражались преимущественно пешком. Это вызывалось и характером местности в Греции, и стремлением к равноправности, не допускавшей выделения меньшинства для особой службы в самом высшем, важнейшем политическом акте – войне.

Более значительные массы кавалерии появляются в войнах лишь с развитием культуры, давшей богатству значительный перевес над правами происхождения, а также в то же время, когда потребовалось вести войну в отдаленных, неизвестных странах, часто представлявших равнины.

Таким образом, сначала у греков был только один род войск – *пехота*, которая разделялась на *тяжелую* и *легкую*, различавшихся в вооружении.

Тяжелая пехота – *гоплиты* (латники) – составлялась полными гражданами или полугражданами, а *легкая пехота* – туземцами или рабами.

Гоплит имел на себе шлем, панцирь и набедренные латы, кожаный, обитый металлом, щит, короткий меч и ручные копья от 8—10 футов длины.

Слуги не имели предохранительного вооружения и были снабжены метательным оружием: дротиками, пращами, а также ножами и палицами.

Обыкновенно все латники строились или в одну шеренгу, или в несколько, а в затылок за ними – их слуги. Построение это называлось *фалангою*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.